

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.157

ПРОБЛЕМА МАСТЕРСТВА Н. П. ЗАДОРНОВА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

Р. С. Воробьев

Тверской государственный университет, г. Тверь

Николай Павлович Задорнов – один из немногих литературных «первопроходцев» Сибири и Дальнего Востока наряду с В. К. Арсеньевым, А. А. Фадеевым, Вс. Н. Ивановым и др. В связи с этим исследование того, как творчество Задорнова-писателя воспринималось и оценивалось советской литературной критикой, представляет особый интерес. Хронологическую рамку исследования составляет период с 1945 по 1992 год, с момента появления второго из известных нам критических отзывов на творчество Николая Павловича до самой смерти писателя. Отмечается неоднозначность мнений критики о мастерстве писателя. Делается вывод о необходимости проведения комплексного исследования литературной репутации и репутационного портрета Н. П. Задорнова, а также целостного и объективного анализа его творчества с современной точки зрения.

Ключевые слова: Николай Павлович Задорнов, советская критика, психологический портрет, внешний портрет, исторический роман

На современном этапе развития литературного процесса назрела необходимость постановки проблемы мастерства советского писателя Н. П. Задорнова в создании внутренних и внешних портретов героев, её исследования во-первых, в связи с полярностью существующих мнений относительно произведений автора и, во-вторых, в связи с тем, что в Википедии – интернет-энциклопедии, оказывающей огромное влияние на общественное мнение, отражена главным образом отрицательная оценка творчества Задорнова в целом. В качестве материала для исследования будут использованы литературно-критические статьи, рецензии и отзывы его современников. Для соблюдения объективности анализа будут учитываться как отрицательные, так и положительные оценки критиков.

Наиболее часто, даже в положительных статьях и рецензиях, современники фиксируют как существенный изъян недостаточное внимание Задорнова к раскрытию образов героев, низкую художественную убедительность их индивидуальных характеристик; это, в свою очередь, является следствием того, что в произведениях Николая Павловича «множество персонажей, признанных иллюстрировать какой-нибудь оттенок мысли или какое-нибудь незначительное событие. Так <...> появляются <...> люди-штрихи» [23, с. 3]; «героев много; герой – сама история

© Воробьев Р. С., 2025

<...> (поэтому. – *P. B.*) психологические характеристики персонажей не глубоки» [16, с. 2]. А. Степанов насчитал в журнальном варианте романа «К океану» сто двадцать шесть героев на ста шестнадцати страницах. На «перенаселённость» персонажами указывают также И. Кондаков [14, с. 275] и И. Егоров [5, с. 2]. По причине такого внушительного числа действующих лиц при новом появлении каждого из них автору приходится напоминать о его характерных чертах [23, с. 3]. Как таковой персонаж не способен сам себя осознать – он носит лишь внешнее отличие или ряд таковых, не вбирая в себя черты своего социального класса или своей эпохи: например, в романе «К океану» Ла – старый, а Алексей Бердышов – краснолицый, что не способствует обрисовке внутреннего портрета данных персонажей. Такие навязчивые эпитеты, отмечает С. Ильичёва [13, с. 252], могут и вовсе не согласовываться с психологическим портретом, представленным Задорновым на всей ткани произведения. Противоречиво описание боцмана Горшкова [Там же, с. 252], бледно изображён Бошняк [4, с. 182]. В связи с этим Б. Галанов подчёркивает необходимость достойной прорисовки характеров соратников Невельского, особенно рядовых матросов, которых тот «сознательно набирал <...> из русских моряков» [2, с. 24], гордился, что «в лице этих матросов – костромичей, новгородцев, тверяков – вошла в устье Амура коренная Россия» [9, с. 368]. Чаще же всего образы резко перестают развиваться, «повторяются в одном состоянии, затормаживая движение» [18, с. 6], или второстепенный персонаж появляется, совершает какое-либо действие, но автор увлекается описанием других событий, и больше читатель с этим персонажем не встречается [22, с. 178].

Критики по-разному оценивают и образ Невельского, выведенный в тетралогии «Капитан Невельской». Так, С. Ильичёва отмечает, что во втором романе, «кроме нескольких строк, в которых Невельской предаётся воспоминаниям о своём детстве, и короткого официального сообщения адмирала» [13, с. 252], нет больше ни слова о прошлом Геннадия Ивановича – о всех тех годах, когда он, сам того не осознавая, готовился к Амурской экспедиции: с упоением читал и слушал описания путешествий русских мореплавателей, мечтал совершить своё – кругосветное, позднее изучал немногочисленные материалы о Дальнем Востоке... Всё это оказывается за пределами произведения. Внешний портрет капитана, как и некоторые иные портреты, противоречив.

В. Александров, ссылаясь на «Записки» Невельского, пишет о некоторой холодности образа капитан-лейтенанта в произведении: если в «Записках» ошутимо передана его тёплая забота о моряках, то у Задорнова она хотя и присутствует, но стачивается по причине использования слов, которые подчёркивают её второстепенную значимость – забота проявляется как бы между прочим [1, с. 187].

А. Степанов обнаруживает в романе «Капитан Невельской» безосновательное стремление автора погрузить читателя в интриги, в которые оказался втянут Геннадий Иванович, отрывая «положительных персонажей <...> от своей среды» [25, с. 3], в которой было немало единомышленников капитан-лейтенанта.

Г. Гор ставит вопрос о бедности изобразительно-выразительных средств языка при обрисовке внешнего и внутреннего портретов: разбирая роман «Далёкий край», он выделяет «некоторую сухость и очерковую беглость изображения» [4, с. 181], с удивлением задаваясь вопросом, почему автору менее всего удались страницы, непосредственно основанные на записках Невельского, которые лучше всего передают характер как самого капитан-лейтенанта, так и каждого из его сподвижников. Положительные отклики на образ Невельского мы приведём позже.

При рассмотрении романа «Амур-батюшка» А. Степанов утверждает, что образ Бердышова «затеняет во второй книге» [24, с. 126] образ главного героя Кузнецова, а некоторые эпизодические персонажи (к примеру, телеграфист Вихлянец) «слабо связаны с основной линией» [Там же] произведения, отчего не запоминаются читателю. Более критично о героях романа пишет Л. Рублёв: «...показан медлительный караван унылых, “безропотных” переселенцев <...> Крестьяне <...> серы, безлики, скучны» [22, с. 180].

Вследствие недостаточной разработки психологических портретов как героев, так и второстепенных персонажей их диалоги и внутренние монологи слабо индивидуализированы [2, с. 24], носят лишь информационный характер.

Однако, несмотря на вышеприведённые цитаты, умение Задорнова изображать героев и прописывать их характеры многими оценивалось положительно. Отрицательные оценки были приведены выше с двумя целями: во-первых, для того, чтобы объективно, со всех сторон рассмотреть репутационный портрет Задорнова в глазах современных ему критиков, во-вторых, для того, чтобы воспринять эмоциональный опыт человека, впервые читающего про автора в Википедии, где представлена одна из самых объёмных статей о нём в сети Интернет, в которой приведены слова критиков с преимущественно негативной окраской [8]. Это воздействует на формирование образа писателя в сознании человека, следствием чего может стать решение об отказе от прочтения его произведений.

Задорнов прекрасно знал человеческую психологию. Неоднократно критиками (в том числе вышеназванными) подчёркивается умение автора изображать коллективные портреты: крестьян-переселенцев, тяжёлым трудом, несмотря на все невзгоды и потери осваивавших Дальний Восток, команды судна «Байкал», вопреки голоду, невыносимым условиям, чувству близости смерти, доказавшей, что устье Амура судоходно и

что Сахалин – остров, а не полуостров, как считалось до этого, команды фрегата «Диана» под руководством Путятин, которая, наперекор козням японских чиновников и в отличие от пышущих пренебрежением американцев, передала японским крестьянам и купцам свои знания в строительстве кораблей, убедила, что русский народ – дружелюбный, доброжелательный, бескорыстный [3, с. 265]. Это согласуется с идеей Николая Павловича отобразить силу, достоинство, трудолюбие, внутреннюю свободу и героизм русского народа, которые лежат в его единстве.

Такой подход позволяет автору довериться отдельным характерам, позволить им самим многосторонне раскрыться, при этом он знает, что они не подведут его. Так, образ Кузнецова в «Амуре-батюшке», «концентрирующий положительные свойства народного характера, не плакатен и не поднят на романтические ходули. Его жизненность и убедительность достигаются тем, что всей системой образов автор убеждает: Егор не исключение, а лишь наиболее полное воплощение качеств его спутников и товарищей» [28, с. 162].

При разработке внутреннего портрета Задорнов использует «принцип психологических светотеней» [11, с. 38]. Автор показывает своего героя в резко контрастирующих эмоциональных проявлениях: вот он весел, на следующей странице – под воздействием обстоятельства или пейзажа – грустен и т. д. Такой принцип психологического раскрытия персонажа – «диалектику души» [29, с. 423] – мы обнаруживаем в лучших произведениях русской классики: например, в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» Л. Н. Толстого.

Вообще, для произведений автора характерна контрастная манера изображения [19, с. 3]. Она заложена в противопоставление героев и / или второстепенных персонажей: Кузнецов и Бердышов («Амур-батюшка»), Невельской и Нессельроде (тетралогия о Невельском), – а вместе с тем в кажущемся и действительности, помыслах и делах [Там же], что создаёт необходимое напряжение, придаёт динамику развития конфликтам.

Нередко личность героя изображается Задорновым «не в рамках сюжета и даже не в рамках событий, а в эпизодах, деталях, фактах повседневных дел» [30, с. 95], при этом создаётся впечатление, что у него нет частной жизни: он вовлечён «в среду не личных, а общественных связей, в которых работа, служба, долг, дело – всегда на первом месте» [Там же]. Представления о семье, дружбе, любви, ненависти связаны с его мировоззрением и отношением к конкретному делу. Это Невельской, Невельская, Муравьёв, Кузнецов, Бердышов, Удога, Чумбока, Шишкин, Спиридон...

И. Кудрова подчёркивает, что в романе «Капитан Невельской» многие образы очерчены «живо и интересно» [15, с. 209], с художественной убедительностью. Читатель верит таким героям, обнаруживая в них

человеческие черты характера. Список этих образов уточняется рядом критиков следующими именами: Орлов, Фомин, Шестаков, Козлов [12, с. 32], Бошняк, Чихачёв, Питкен [30, с. 96], Завойко, Корсаков, Козьмин, Подобин [7, с. 167].

Мастерски выведенный образ Невельского и впервые художественно осмысленную его значимую роль в истории России подчёркивают в своих статьях Н. Еселев [Там же, с. 166], М. Ильин [12, с. 32], А. Никульков [18, с. 6] и многие другие, М. Зорин – в монографии, отмечая близость мироощущений капитан-лейтенанта и советских людей, «духовную связь» [11, с. 104] исследователя Дальнего Востока и вспахивателей целины, покорителей Арктики [Там же, с. 87–88].

При этом Задорнов избежал идеализации исторических портретов Невельского [21, с. 3; 26, с. 5] и Муравьёва [28, с. 167], не обожествил этих личностей, отобразил их в соответствии с теми достоверными источниками, которые ему удалось изучить. В его творчестве вообще нет нарочитости, сознательности, преднамеренности. Это положительно отражается как на ценности его произведений, так и на его репутации.

Н. Замошкин обращает внимание в «Амуре-батюшке» на ряд «выпуклых» фигур: Кузнецова, Бердышова, Барабанова, бабку Дарью, Удогу и Чумбоку [10, с. 296], – указывая на их важную роль в реализации авторской идеи о формировавшемся тогда содружестве народов России, о доброжелательном интернационализме коренного русского народа, посредством чего Задорновым подчёркивается мысль о ненасильственном, в отличие от колонизаторской политики Запада, характере присоединения новых земель: народы сближались – территория российского влияния расширялась [16, с. 2]. Отсюда и стремление писателя показать взаимоотношения переселенцев с представителями местных народов – между ними происходит своеобразный процесс взаимного обогащения опытом [10, с. 296], при этом Задорнов не идеализирует эти самые отношения, подчёркивая, что и среди русских встречались люди, принёсшие много несчастья автохтонам: те же купцы и чиновники [17, с. 130]. Эта же мысль: о ненасильственном (путём дружбы и взаимопомощи) присоединении земель – переключалась в следующие произведения писателя.

Несмотря на то что героев и второстепенных персонажей (как имеющих исторические прототипы, так и вымышленных) в романах действительно много, все они наделены индивидуальными чертами, отвечающими как правде жизни, так и правде художественного вымысла [6, с. 267, 271], более того – каждый из них – «сама история» [16, с. 2], по причине чего «перенаселённость» ими только утверждает идею Задорнова о важности единства в историческом развитии.

На становление характеров оказывают влияние природные условия, в чём обнаруживается мастерское изображение Задорновым красот

Дальнего Востока [11, с. 107–127]. Природа – один из героев его произведений, который взаимодействует с другими героями, вызывает у них радость или тоску, по ряду причин становится им другом или врагом, оказывает сопротивление действиям человека; это не красивый фон, а «постоянный спутник» [Там же, с. 108], неотделимый от жизни каждого лица.

Резюмируя вышенаписанное, стоит отметить следующее. Главное, что обозначают Н. Еселев [6, с. 265–272], Н. Рогаль [20, с. 129–131], В. Сухнев [27, с. 137–145], А. Гвоздева [3, с. 31–40], М. Зорин [11, с. 156]: огромное количество якобы ни на что не влияющих персонажей и деталей, диалоги, будто бы выполняющие только служебную роль – всё это отвечает творческой и идеологической задачам автора.

На негативное восприятие творчества Задорнова вполне может влиять то, что критикой в основном рассматривались произведения, написанные до 1970-х годов, когда писатель, по мнению А. Гвоздевой, только формировался как великий романист [3, с. 16–17, 36–41]. Более того – в Википедии отобраны цитаты, представляющие произведения писателя только с отрицательной позиции; при отборе, за исключением пары случаев, не учитывались положительные отклики современников. Что же касается конкретно И. Кондакова, в силу своего мировоззрения он не мог не отобразить главным образом негативные мнения насчёт творчества автора: его явно задевала цель Задорнова, жившего в эпоху, по словам литературоведа, «позднего сталинизма» [14, с. 275], изобразить в романах о покорении Дальнего Востока прорастание в сознании крестьянства идей, присущих социалистическому обществу; это отвечало замыслу писателя показать преемственность поколений, раскрыть русскую душу, свободную, трудолюбивую, сильную.

Николай Павлович Задорнов, как бы намеренно или ненамеренно ни пытались очернить его фигуру, отличался поразительной наблюдательностью. Его таланту была подвластна проработка как внешнего, так и внутреннего (психологического) портрета каждого героя и персонажа, как следование (при проработке характеров) конкретным историческим фактам, так и «живой», соответствующий эпохе и характерам вымысел... С написанием каждого нового романа росло и его мастерство, обогащался опыт. В Википедии внимание обращено скорее к недочётам «ранних» произведений Задорнова, в том числе в изображении героев. Но ведь любой человек, в том числе пишущий, на протяжении всей жизни совершенствуется, крепнет. Своим литературным трудом Задорнов доказал это. Свойственна этим мнениям и предвзятость, которой нет места в добросовестном исследовании. Такое исследование – целостное, монографическое, объективное – необходимо для того, чтобы вернуть имя Николая Задорнова в научную историю русской литературы.

Список литературы

1. Александров В. Встреча на Амуре // Знамя. 1950. № 2. С. 187.
2. Галанов Б. Роман о Невельском // Огонёк. 1950. № 5. С. 24.
3. Гвоздева А. Колокола истории: О творчестве Николая Задорнова. Москва : Советский писатель, 1984. 286 с.
4. Гор Г. Живая история // Звезда. 1951. № 1. С. 182.
5. Егоров И. Страницы героического прошлого // Советская Латвия. 1952. 22 марта. С. 2.
6. Еселев Н. Х. О крае далёком, но нашённом // Дружба народов. 1964. № 9. С. 265–272.
7. Еселев Н. Х. Творчество Николая Задорнова // Дальний Восток. 1959. № 6. С. 167.
8. Задорнов Николай Павлович [Текст: электронный] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Задорнов,_Николай_Павлович#Литературная_деятельность (дата обращения: 17.09.2024).
9. Задорнов Н. П. Первое открытие. Москва : Вече, 2022. 384 с.
10. Замошкин Н. Русские землепроходцы // Новый мир. 1946. № 12. С. 296.
11. Зорин М. И. Дороги истории: О творчестве Н. П. Задорнова. Рига : Латгосиздат, 1960. 164 с.
12. Ильин М. Первопроходцы // Советский воин. 1975. № 5. С. 32.
13. Ильичёва С. Роман о Невельском // Новый мир. 1950. № 7. С. 252.
14. Кондаков И. В. Задорнов Николай Павлович // Русские писатели XX века: биографический словарь. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 275–276.
15. Кудрова И. Н. Задорнов. Капитан Невельской. Роман. Кн. I и кн. II. Изд-во «Советский писатель», Москва, 1959 // Звезда. 1959. № 12. С. 209–210.
16. Машуков И. «Мангму» // Тихоокеанская звезда. 1946. 28 июля. С. 2.
17. Машуков И. Эпопея Амура // Дальний Восток. 1950. № 2. С. 129–137.
18. Никульков А. Капитан Невельской и многие другие // Литературная газета. 1972. 19 января. С. 6.
19. Одинцова З. Патриотический подвиг Капитана Невельского // Советская Латвия. 1959. 11 марта. С. 3.
20. Рогаль Н. М. Мастер исторического романа // Дальний Восток. 1969. № 12. С. 129–131.
21. Роднянская И. Новыми путями // Литературная газета. 1957. 26 ноября. С. 3.
22. Рублёв Л. Д. Романенко. «Ерофей Хабаров». М., «Советский писатель», 1946. Николай Задорнов. «Амур-Батюшка». Москва : «Советский писатель», 1946 // Знамя. 1947. № 2. С. 178.
23. Степанов А. Начало большого романа // Тихоокеанская звезда. 1949. 11 сентября. С. 3.
24. Степанов А. Новое издание романа Н. Задорнова // Дальний Восток. 1951. № 5. С. 126.
25. Степанов А. Эпопея Приамурья // Тихоокеанская звезда. 1957. 26 марта. С. 3.
26. Сухнев В. Большое малое плавание // Литературная газета. 1983. 18 мая. С. 5.

27. Сухнев В. Свет на краю света // Дальний Восток. 1989. № 11. С. 137–145.
28. Хоменко Н. И. Исторические романы Н. Задорнова // Сибирские огни. 1971. № 3. С. 162.
29. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. Москва : Художественная литература, 1947. 886 с.
30. Яссон Т. Прошлое, открывшее будущее // Даугава. 1981. № 1. С. 95.

THE PROBLEM OF N. P. ZADORNOV'S MASTERY IN COVERING SOVIET CRITICISM

R. S. Vorobyev

Tver State University, Tver

Nikolai Pavlovich Zadornov is one of the few literary “pioneers” of Siberia and the Far East, along with V.K. Arsenyev, A.A. Fadeyev, Vs. N. Ivanov, and others. In this regard, the study of how Zadornov the writer’s work was perceived and assessed by Soviet literary criticism is of particular interest. The chronological framework of the study is the period from 1945 to 1992, from the moment the second of the known critical reviews of Nikolai Pavlovich’s work appeared until the writer’s death. The ambiguity of critics’ opinions on the writer’s skill is noted. A conclusion is made about the need for a comprehensive study of the literary reputation and reputational portrait of N. P. Zadornov, as well as a holistic and objective analysis of his work from a modern point of view.

Keywords: *Nikolai Pavlovich Zadornov, Soviet criticism, psychological portrait, external portrait, historical novel.*

Об авторе:

ВОРОБЬЕВ Руслан Сергеевич – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: russparrowvorobiev@yandex.ru.

About the author:

VOROBIEV Ruslan Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), e-mail: russparrowvorobiev@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2025 г.

Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.